

АРИАДНА ШАФРАН

НЕБО НЕ СПРАШИВАЕТ

Ариадна Шафран

Небо не спрашивает

<https://litres.ru/74612522>

SelfPub; 2026

Аннотация

Петербург, 1911 год. Учительница математики Лиза Новикова привыкла исправлять чужие ошибки и откладывать собственные желания. Один авиационный показ меняет её планы: теперь она хочет сама сесть за управление аэропланом.

Инженер Георгий Мельников не обещает лёгкого пути. Его осторожность раздражает Лизу, а сухой юмор и внимательность притягивают всё сильнее. Ему трудно заботиться о ней, не решая за неё; ей — принять помощь и сохранить право на собственный выбор.

Для учёбы нужны деньги, время и люди, которым можно доверять. Лиза находит подруг, работу на поле и новую жизнь между гимназией, мастерской и семейным столом. Но провинциальный показ обещает заработок, а чужая афиша — полёт, к которому она ещё не готова. Теперь под угрозой и её мечта, и близость с человеком, ставшим дорогим.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	33

Ариадна Шафран

Небо не спрашивает

Глава 1

У Софьи Павловны дрожала бумага. Это было заметнее, чем дрожь в голосе: лист шуршал всякий раз, когда она пыталась прочитать условие, а тридцать две девочки уже сидели за партами и ждали, когда им наконец разрешат чего-нибудь не знать.

Елизавета Новикова остановилась у дверей класса. На доске был вычерчен треугольник, возле окна стоял кувшин с водой, и всё выглядело совершенно приготовленным к проверочному экзамену. Только молодая преподавательница держала два отиска задач так, словно между ними пряталось несчастье.

— Елизавета Андреевна, простите, — сказала она слишком громко. — Тут, должно быть, я что-нибудь...

Лиза забрала один лист и пробежала глазами первую задачу. Два поезда отправлялись из соседних городов одновременно и шли навстречу со скоростями восемнадцать и двадцать две версты в час. Расстояние было указано в сорок вёрст, а в напечатанном ответе поезда встречались через полтора часа. За это время им предстояло покрыть шесть-

десять вёрст: лишние двадцать неизвестно откуда возникали между соседними городами.

Внизу листа было напечатано: «Все данные точны».

— Здесь опечатка, — сказала Лиза и положила бумагу на кафедру.

Несколько учениц подняли головы. Софья Павловна побледнела ещё сильнее: ей казалось, что учитель вправе ошибиться только после двадцати лет службы, и то перед пустым классом.

Лиза взяла мел, исправила цифру в условии на доске и повернулась к девочкам.

— В первой задаче вместо сорока вёрст следует читать шестьдесят. Пометьте это в листках.

Полина Суханова на первой парте подняла руку, но, не дожидаясь разрешения, спросила:

— А почему не исправить ответ?

Лиза уже собиралась объяснить, что ответ напечатан в конце сборника. Это было самое неубедительное объяснение, какое она могла дать. Она посмотрела на сорок вёрст в оттиске, затем на собственные шестьдесят на доске.

— Вы правы, Полина. Я поверила ответу прежде условия.

Она стёрла шестёрку, вернула четвёрку и подождала, пока девочки перестанут шептаться.

— Отмените моё первое исправление во всех листках. Расстояние остаётся сорок вёрст, как напечатано. Верный ответ — один час. Полтора часа зачеркните в ответах. Теперь

данные у всех одинаковые?

С задней парты попросили повторить. Лиза повторила, не торопясь. Софья Павловна проверила у ближайших учениц; Полина перечеркнула свою поправку и аккуратно вписала прежнее число.

— А внизу написано, что все данные точны, — сказала она.

— Данные в этой задаче оказались точнее преподавателя, — ответила Лиза. — Приступайте.

Класс зашуршал перьями. Софья Павловна сделала вдох и села. Лиза осталась возле кафедры, будто зашла просто передать журнал, и дождалась, пока соседка перестанет тереть манжету.

— Я должна была проверить, — прошептала та.

— Мы все должны были. Это общий оттиск. Остальную арифметическую часть я просмотрю сейчас, затем геометрическую.

Она говорила тихо, чтобы не превращать помощь в представление. Сама когда-то стояла на этом месте, не понимая, как можно преподавать дроби людям, которые замечают пятно на твоём воротнике быстрее, чем ошибку в знаменателе. Прошло пять лет, и дроби по-прежнему требовали внимания, зато пятна перестали казаться свидетельством профессиональной гибели.

Остальные арифметические задачи оказались правильными. Вторая опечатка нашлась в подписи к чертежу. Бук-

вы двух вершин поменялись местами. Лиза передала Софье Павловне маленькую записку, та уже сама внесла исправление. К концу первого часа её голос сделался обычным.

За окнами апрельский Петербург капал с подоконников и тянул с улицы мокрым камнем. Печи топили меньше, чем зимой, но в дальнем конце класса всё ещё было душно. Девочки снимали руки с бумаги, отряхивали пальцы, украдкой глядели на часы. Это был устроенный преподавателями пробный письменный экзамен перед майскими испытаниями, и тревога в нём смешивалась с надеждой: всякая сегодняшняя неудача ещё могла стать завтрашним знанием.

Лиза любила именно эту возможность. Ей нравилось, как после нескольких неверных строк у девочки вдруг менялось лицо; как испуганное «я не умею» уступало осторожному «если провести здесь высоту». В такие минуты преподавание не походило на терпеливое исправление чужого несовершенства. Оно становилось разговором, в котором один человек помогал другому добраться до собственной мысли.

У стены сидела Надя Крылова, дочь служащего, тщательно скрывавшая бедность своих завтраков. Она зачеркнула почти всю страницу, затем начала заново. Лиза, проходя между рядами, увидела, что в новом решении поезд, медленно, но верно, отправился не в ту сторону.

— Прочтите условие ещё раз, — сказала она. — Не всё решение. Только условие.

Надя прижала ладонь к листу, как будто преподаватель-

ница собиралась его отнять.

— Я знаю правило.

— Тогда убедитесь, что выбрали для правила нужную задачу.

Через минуту Надя выдохнула и поменяла знак. Лиза пошла дальше. Помочь вместо ученицы решить задачу было легко; труднее было остановиться ровно там, где девочка ещё могла сделать необходимое сама.

После звонка девочки складывали работы на кафедре, сбивались в кучку у двери, вспоминали ответы. Полина на ходу доказывала двум подругам, что типографию следует обязать сдавать экзамен вместе с ними. Софья Павловна впервые улыбнулась.

— Вы меня спасли.

— Я спасла два поезда. Вас придётся спасать в следующий раз.

В учительской Лизу уже ожидала начальница. Екатерина Дмитриевна сидела возле высокого шкафа и держала исправленный оттиск. От неё пахло сухой лавандой; на столе стояла холодная чашка, до которой она, видимо, не успела добраться.

— Ваше присутствие оказалось весьма своевременным, Елизавета Андреевна. Софья Павловна ещё не имеет достаточного опыта.

— Опыт помогает заметить опечатку. От появления опечаток он не предохраняет.

Начальница подняла глаза. Лиза знала этот взгляд: сейчас благодарность должна была перейти в распоряжение.

— Разумеется. Именно поэтому я хочу поручить вам предварительную сверку всех экзаменационных листов. В том числе по естествознанию и географии. Там требуется лишь общая внимательность. Вы обладаете ею в полной мере.

На стене тикали часы. До собственного урока оставалось девять минут. Вечером Лизу ждали сорок тетрадей, урок с частной ученицей и счета, которые мать просила проверить вчера. Сверка «лишь общей внимательностью» означала по меньшей мере несколько новых вечеров, а географические названия могли оказаться хитрее поездов.

— Математические листы я сверю, — ответила она. — Это относится к моей работе. Остальные лучше дать преподавателям соответствующих предметов.

— Им сейчас очень трудно выделить время.

Лиза на мгновение ощутила почти привычную готовность сказать: хорошо, приносите. От этого слова в учительской становилось теплее, и чужие лица переставали выражать разочарование.

— Мне тоже, Екатерина Дмитриевна.

Начальница отложила бумагу.

— Я рассчитывала на ваше содействие.

— Вы его получите в моей части. Я могу сегодня составить перечень исправлений и порядок проверки. Но за со-

держание других задач отвечать не возьмусь.

Это было не так храбро, как представлялось до разговора. Лиза слышала собственный слишком вежливый голос и хотела, чтобы начальница уже отвернулась к шкафу. Вместо этого та немного подумала, написала фамилии на краю листа и кивнула.

— Хорошо. Передадим коллегам. Математику, пожалуйста, к среде.

В коридоре Лиза остановилась поправить перчатку. Ничего ужасного не произошло, даже жалование осталось прежним. Она опоздала к своему классу на полминуты и сразу занялась площадями фигур, потому что девочки имели право получить урок независимо от того, какой маленький переворот случился в преподавательской.

Домой она шла пешком. Снег у решёток давно потерял право называться снегом, извозчики объезжали широкие лужи, а перед булочной женщина удерживала мальчика, который пытался проверить глубину сапогом. Лиза остановилась купить хлеб и машинально подсчитала, сколько останется до конца недели. В её сумочке деньги жили по назначению: эти на хозяйство, эти на дорогу, эти нельзя трогать, хотя именно они чаще всего и требовались.

Вера Зорина встретила её у подъезда, прижимая к себе свёрток газет.

— Я решила, что, если дождусь тебя здесь, ты не сможешь ответить, что занята, — сообщила она.

— Я могу ответить и здесь.

— Но тогда намокнет мой перевод, и вина будет на тебе.

Вера сняла с полей шляпы каплю, величественно предложила Лизе руку и поднялась вместе с ней. Она работала в газете, переводила иностранные заметки и умела рассказывать про редакционные недоразумения так, что в них непременно обнаруживался человек, заслуживавший чая. Сегодня этим человеком была она сама.

Анна Николаевна встретила гостью у двери. В квартире пахло картофелем, тёплой шерстью и клеем: Мария работала за столом над рисунком для вывески. Она закрыла кистью лицо нарисованного льва, чтобы защитить его от брызг из материнской чашки.

— Вера Сергеевна, вам налить? — спросила мать.

— Если это чай, непременно. Если средство для укрепления кистей, сначала расспрошу Марию.

— Лев для торговца чаем, — объяснила сестра. — Заказчик хочет, чтобы лев был кроток и внушал доверие.

— Пусть держит счётную книгу, — предложила Лиза.

Мария глянула на неё с мгновенной улыбкой.

— Тогда он будет похож на тебя.

Лиза поставила хлеб, сняла пальто и полезла за счетами. Вера удержала её запястье, без всякой торжественности, как удерживают человека от случайного движения.

— Сперва это.

Из свёртка появилась плотная карточка с печатными стро-

ками. Пропуск на воздухоплавательную выставку в Михайловском манеже. Лиза перевернула его, проверила имя, затем снова прочла лицевую сторону.

— Почему я?

— Потому что я обещала человеку, выдавшему пропуск, передать его любознательной публике. Любознательной публикой оказалась ты. Хоть раз посмотри, что изобрели люди, которым никто не велел сидеть смирно.

— Полагаю, некоторым из них велели.

— Тогда особенно посмотри.

Мать спросила, нет ли там полётов под крышей. Вера заверила, что целый манеж пока никто не намерен поднимать в воздух. Мария попросилась с ними, но потом поглядела на льва и вздохнула: кротость приходилось дорисовывать к понедельнику.

Лиза положила пропуск между чистыми страницами личной тетради. Один выходной она могла себе позволить. Выставка была разумным развлечением: у неё имелись часы работы, стены и понятная цена возвращения домой.

Через два дня они пошли на выставку после Лизиних уроков. В манеже оказалось куда шумнее, чем в классе перед экзаменом. У входа посетители спорили с гардеробщиком, дальше толпа перекатывалась между стендами, откуда слышались иностранные слова и уверенный русский голос продавца брошюр. Под высокими перекрытиями стояли аппараты, которые на газетных рисунках казались изящными иг-

рушками, а теперь занимали столько места, словно намеревались потребовать собственную комнату у каждого зрителя.

Лиза остановилась перед бипланом. Две поверхности крыла, стойки, расчалки, открытое сиденье. Никакого уютного отделения для человека, никакой стены, за которой можно было бы спрятаться от воздуха. Полотно на крыле выглядело плотным, но всё равно полотном; Лиза невольно вспомнила, как дома Мария зашивала порванный зонтик.

— Ты думала, они сделаны из железа? — спросила Вера.

— Я думала меньше.

Возле них мальчик вытянул шею, пытаясь увидеть двигатель. Его отец внимательно читал табличку, потом произнёс, что подобное сооружение не может выдержать настоящую непогоду. Молодой посетитель с каталогом возразил: непогода бывает и на море, а пароходы всё же существуют. Спор быстро стал морским; аэроплану в нём досталась роль молчаливого доказательства.

Лиза обошла аппарат с другой стороны. На картинках человек всегда сидел в машине уже летящей, и от этого казалось, будто главная задача — решиться подняться. Здесь были видны соединения, тросы, места крепления. Каждый из них кто-то выбирал, делал, проверял. Смелость могла занять сиденье, но удерживать вместе всё остальное ей пришлось бы без рук.

У соседнего стенда демонстрировали небольшую модель. Мужчина вращал винт, объяснял действие поверхностей, по-

казывал, как меняется положение руля. Лиза дождалась, пока посетительница впереди перестанет расспрашивать о стоимости, и спросила, одинаково ли устроено управление на всех аппаратах.

— Далеко не одинаково, — ответил объясняющий. — Здесь вы видите одну систему. На другом аппарате навыки придётся переносить с осторожностью.

Он показал другую модель, и Лиза почувствовала знакомое удовольствие: неизвестное начинало делиться на вопросы. Она уже хотела спросить о размерах, когда Вера дотронулась до её локтя.

— Ты сейчас получишь второй урок вместо выходного.

— Этот я сама выбрала.

Подруга посмотрела на неё внимательнее, но ничего не сказала. Они прошли к двигателям. Возле одного молодой служащий с рекламной брошюрой утверждал, что путешествия по воздуху скоро станут доступны всякому. Лиза поглядела на открытые части механизма и на сумму в каталоге. «Всякому» было словом весьма обеспеченным.

Она спросила, кто обслуживает двигатель после полёта. Служащий ответил общей фразой о надёжности конструкции. Тогда сидевший за столиком пожилой человек оторвался от бумаг и перечислил несколько работ, без которых о надёжности лучше не разговаривать. Его сухой голос оказался убедительнее блестящих обещаний.

— Значит, полёт продолжается на земле? — спросила Ли-

за.

— Если желаете ещё один, продолжается.

Возле выхода продавали программы ближайших показов. Вера купила одну, проверила печать и провела ногтем по строке с полем за городом.

— Вот где будет не модель. Погода позволит — увидишь полёт.

Лиза взяла программу. Странно было думать, что за городской застройкой всё это действительно движется, отрывается от земли и держит человека там, где здесь была только высокая крыша. Она ещё раз обернулась к биплану, почти скрытому чужими плечами.

— В воскресенье мы должны к тётё Прасковье, — сказала она.

— Должны в смысле обещали или в смысле она так решила?

Лиза не ответила сразу. Тётя недавно сменила квартиру, собиралась показывать новые занавески, жаловалась на управляющего и непременно спрашивала, почему Мария выбрала рисование, если шитьё полезнее. Мать могла пойти без старшей дочери. Лиза могла заранее купить сладкое, проводить их до трамвая и не присутствовать при повторном обсуждении собственной жизни.

По дороге с выставки они остановились у книжной лавки. Вера хотела купить французский журнал, обещанный редактору, а Лиза задержалась перед витриной с учебниками. На

нижней полке лежал сборник задач, тот самый, из которого она иногда выбирала задания для старшего класса. Она почти вошла за ним, но заметила рядом тонкую брошюру с изображением аэроплана.

— Для начала хватит программы, — сказала Вера, выходя из лавки. — Там названия и несколько объяснений. Ты ведь ещё не собираешься учреждать кафедру.

— Я собираюсь понять, что видела.

— Очень опасная привычка. Редактор предпочитает, чтобы я сперва придумала заголовок.

Они пошли вдоль мокрых фасадов. Вера рассказывала о переводе, в котором иностранный автор смешал двух русских инженеров, назвав их одним именем. Редактору понравилось, что его герой столь разносторонний, и он попросил хотя бы одно изобретение сохранить, прежде чем Вера разделит людей. Лиза смеялась, но мысль всё время возвращалась к полотняным крыльям. На стенде ей не хватило вопроса, который теперь казался необходимым: как долго человек учится прежде, чем впервые остаётся с машиной один?

У перекрёстка Вера простилась с ней. Лиза завернула в маленькую кондитерскую за сладким для воскресного визита. Она не хотела, чтобы её отсутствие превратилось в дополнительную заботу матери. Девушка за прилавком предложила дорогую коробку с лентой; Лиза выбрала пакет, попросила отвесить меньше и терпеливо дождалась, пока покупатель впереди закончит объяснять разницу между настоящими и

нынешними пирожными.

Раньше она обязательно слушала бы эту беседу с некоторым участием: всякое неудовольствие требовало ответа, а всякий лишний расход — расчёта. Сегодня её занимало, куда укладываются расчалки, когда аппарат везут на другое поле. От собственной рассеянности стало весело и немного неловко. Дома могло потребоваться столько полезного внимания, а она принесёт вопросы о вещах, которых в их квартире никогда не будет.

На лестнице соседка попросила посмотреть записку от лавочника. Лиза нашла дважды прибавленную покупку, указала строку и вернула лист. У своей двери она убрала карандаш; в кармане рядом с ним шуршала программа воскресного показа.

За ужином она сказала, что в воскресенье пойдёт на показ. Анна Николаевна подержала ложку над тарелкой, потом спросила, не обидится ли тётя.

— Возможно, — ответила Лиза. — Я напишу ей сегодня.

Мария перестала разравнивать хлебный мякиш.

— Ты сообщишь, что занята?

— Сообщу, чем занята.

— Тогда она наверняка обидится. Полёт нельзя приложить к окну, как образец занавески.

Мать улыбнулась, хотя в глазах осталось сомнение. Лиза убрала тарелки, достала бумагу и составила короткую записку без выдуманной болезни и лишних оправданий. На сто-

ле лежала программа. Она положила её рядом с письмом и впервые за долгое время не стала заполнять оставшийся свободный вечер чужой просьбой.

Глава 2

Вера предложила занять место поближе, но поближе оказалось совсем не похоже на удобнее. Под ногами чавкала земля, от верёвочного ограждения пахло мокрым пеньковым волокном, а впереди два широкоплечих господина поставили свои шляпы на такую высоту, словно специально тренировались скрывать от Лизы будущее воздухоплавания.

Она переступила через неглубокую канаву и сразу поняла, что лучше было обойти. В ботинок попала вода. Вера, державшая блокнот под раскрытым зонтиком, посмотрела вниз и великодушно не высказалась.

— На картинках трава ровнее, — сказала Лиза.

— Художник имеет право удалить препятствия, которые мешают продаже газеты.

До Комендантского поля они добрались, сменив трамвай на извозчика вместе с Вериной знакомой, потом прошли пешком за группой посетителей. Лиза представляла площадку чем-то вроде большой площади, но здесь город кончался не торжественной границей, а заборами, дорожной колеёй и редкими строениями. Воздуха было много, гораздо больше, чем требовалось между двумя рядами домов. Над полем шли низкие облака, за ограждением лежали свёртки и ящики, возле деревянного сарая несколько человек осторожно выкатывали аппарат.

На выставке его крылья казались огромными. Здесь они выглядели недостаточными для такого пространства.

— Это тот же тип? — спросила Лиза.

Вера сверилась с программой.

— Обещан «Фарман». Но редактор не поручал мне проверять родословную каждой доски.

Один из господ впереди отступил от верёвки, освобождая место жене. Лиза увидела аппарат целиком: нижнее и верхнее крылья, тонкие стойки, передняя поверхность далеко впереди сиденья, длинные балки к хвосту. Человек в рабочей куртке наклонился к колесу, другой держал крыло. Они не торопились, хотя публика уже начинала выражать нетерпение.

— Начало в программе указано, — произнёс кто-то. — За что же взяли деньги?

Вера записала фразу. Лиза сначала решила, что подруга собирается использовать её в заметке, но та покачала головой.

— Для редактора. Он задаст ровно тот же вопрос.

У дальнего края поля вытянулась полоска ткани на шесте. Потом обмякла, встрепенулась и отвернулась в сторону. Лиза следила за ней вместе с человеком у аэроплана. Он поднял лицо, выждал, снова подошёл к машине. Посетители позади зашевелились.

Маленький мальчик с двумя пуговицами на сером пальто попросил отца запустить аэроплан немедленно. Отец отве-

тил, что сейчас господа приготовятся. Это объяснение утешило только отца.

— Мне сказали, ветер, — передал через толпу мужчина с программой. — Они ждут, чтобы ветер совсем прекратился.

Лиза посмотрела на него.

— Разве совсем?

— Полагаю, без ветра лучше.

Он произнёс это с той убеждённостью, с какой говорят о вещах, не требующих личного участия. Елизавета сама вчера рассуждала бы сходным образом. На выставке ветер был обозначен стрелкой; здесь он шевелил юбки, заставлял людей переставлять ноги и почему-то занимал механиков сильнее, чем зрителей.

У ограждения появилась девушка в короткой рабочей куртке. Она принесла свёрток, передала его человеку у колеса и побежала назад к сараю. На её лице не было особенного выражения; она выполняла дело и явно рассчитывала успеть прежде, чем понадобится следующее.

— Запиши про неё, — сказала Лиза.

— Даже имени не знаю.

— Узнаешь. Ты ведь не только шляпы публики считаешь.

Вера повела карандашом по странице, улыбаясь. За её спиной заговорил невысокий мужчина с аккуратной бородой.

— Весьма любопытное зрелище, сударыня. Но женщине такое, конечно, не нужно. Шум, грязь, риск. Я свою дочь сю-

да не привёз бы.

Он обращался скорее к своей спутнице, но глаза остановил на Лизе, ожидая вежливого согласия. Елизавета вынула мокрый ботинок из нового углубления в земле.

— Какое именно? — спросила она.

— Воздухоплавание.

— Наблюдать его или изучать?

Мужчина замялся.

— Управлять аэропланом. Это очевидно.

— Чем отличаются знания о машине, нужные вашей дочери, от знаний, нужных вам? Я хочу понять, что вы сейчас объяснили.

Спутница господина отвернулась к полю, скрывая улыбку. Он ответил, что речь идёт о природе, и Лиза кивнула.

— Тогда сначала придётся выяснить устройство аппарата. Иначе мы спорим о природе, не договорившись даже о том, что нужно делать человеку на сиденье.

Вера тихо кашлянула. Лиза не стала продолжать: ей самой нечем было объяснить устройство, кроме нескольких выставочных впечатлений. Господин отошёл на шаг, но остался возле ограды и вскоре начал обсуждать цену двигателя. Дочь его, если бы присутствовала, могла получить об этом не меньше сведений.

За спиной у Веры две женщины делили складной стул. Одна уступала место, другая утверждала, что приехала стоять, но обе время от времени садились и тут же вскакивали:

сидя аппарат был совершенно невидим. Лиза помогла отодвинуть стул подальше от канавы. Старшая поблагодарила её и объяснила, что сын служит в мастерской, но сегодня увидеть его почти невозможно.

— Вот тот, с ремнём через плечо, — сказала она. — Всё бегают. Я бы ему хоть бутерброд передала.

Молодой работник пробежал ещё раз, и женщина подняла бумажный пакет. Он заметил её, улыбнулся, показал рукой: потом. Лиза почувствовала, как легко смотреть на поле и забывать, что у всякого его человека имеется кто-то с бутербродом, кто ждёт совсем другого результата, чем публика.

— Вы часто бываете на показах? — спросила она.

— Второй раз. В первый ничего не состоялось. Я думала, он хоть домой пораньше пойдёт, а ему пришлось всё убирать. Выходит, даже если аэроплан стоит, у них работы не меньше.

Старшая поправила край платка и наконец уселась. Её спутница, более молодая, рассматривала Лизину программу.

— Вы знаете, кто будет летать?

Лиза указала строку, не прибавляя к печатному имени собственных предположений. Женщина прочла, покачала головой и вернула бумагу.

— Мне имя ничего не говорит. А сыну её, кажется, известно решительно всё. Он вчера объяснял мне, почему нельзя идти возле винта. Я и не собиралась. Но объяснил так, что я теперь даже в магазин обхожу большие вентиляторы.

Вера записала имя матери, потом спросила имя сына. Та

оживилась и назвала ещё его возраст, прежнюю работу и место, где он учился. Блокнот, который на выставке собирал обещания будущего, теперь заполнялся сегодняшними подробностями. Лиза с удовольствием слушала, как подруга задаёт короткие вопросы и даёт человеку договорить.

Рядом продавали чай из большого металлического чайника. Лиза купила две чашки и вернулась, стараясь не пролить горячее на перчатки. Чай оказался слишком сладким, но помог от холода. Вера оставила свой недопитым, чтобы успеть подойти к устроителю, появившемуся у выхода.

— Не уходи за верёвку, — попросила она. — Мне потом придётся написать объяснение твоей семье.

— Я не собираюсь.

— Пока ты говоришь так, потому что не видишь там задач с неверными условиями.

Лиза засмеялась и отдала пустые чашки мальчику у чайника. Она заметила, что над травой различимы светлые и тёмные участки: где-то почва уже просохла, где-то колея держала воду. В программе поле было только названием. Если бы она рисовала его для учениц, пришлось бы изобразить всё это, а не ограничиваться прямоугольником с размерами. Она попыталась мысленно выбрать самый ровный путь, затем увидела, как работники направляют аэроплан совсем по другому участку. Задача наглядно не соглашалась с первым решением.

Одна из женщин спросила, не замёрзла ли она. Лиза отве-

тила, что промочила ногу, и получила неожиданный совет: на обратном пути зайти в ближайшую лавку и попросить бумагу, чтобы набить ботинок, иначе дорога окажется длиннее, чем обещает её собственный расчёт. Она поблагодарила и запомнила. Мать сказала бы примерно то же самое. На поле, среди разговоров о будущих высотах, забота о мокрой ноге прозвучала особенно уместно. Лиза вынула из сумочки платок, вытерла край ботинка и решила, что в следующий раз обувь будет выбирать по земле, по которой придётся ходить, а не по случаю, для которого приглашена.

Ожидание затянулось. На поле перенесли два ящика, изменили положение верёвки, попросили публику отойти от угла. Разочарованные зрители толпились ещё теснее; Лизу прижало к колышку, и она вышла вдоль ограды к месту, где было свободнее. Вера осталась расспрашивать устроителя. Они условились встретиться у сарая, если потеряются.

Там двое работников обсуждали расстояние между колышками. У одного был лист со схемой, второй оглядывал поле, заслоняя глаза ладонью.

— От нынешней черты до канавы двести двадцать метров, — сказал человек со схемой. — Вдоль ограждения сто сорок метров. Здесь надписано.

— Значит, до канавы сто сорок?

— Я говорю, у ограждения...

Его окликнули из сарая. Он отошёл, оставив лист товарищу. Тот повернулся к третьему человеку и велел передви-

нута́ знак, потому что до канавы сто сорок.

Лиза остановилась. На бумаге она успела увидеть угол площадки и две короткие надписи, а расстояние до тёмной полосы в траве казалось совсем не таким, как до публички. Она представила поезд из экзаменационного листа: одна неверно прочитанная строка, и дальнейшее решение уверенно едет не туда.

— Простите, — сказала она работнику. — Ваш товарищ назвал до канавы двести двадцать, а сто сорок — у ограждения. Вы сейчас повторили другое.

Работник повернул лист.

— Это вы откуда знаете?

— Я слышала. Здесь две цифры, а стрелка относится...

Она показала, не касаясь бумаги. Он нахмурился, потом спросил у проходившего человека, где Мельников. Ей хотелось уже отойти. Предупреждение было сделано, дальше разумнее предоставлять дело тем, кто за него отвечает. Но работник махнул рукой:

— Подождите. Сами объясните. А то опять передадим не то.

Мельников пришёл от аэроплана. На нём были длинные сапоги, куртка и мягкая шапка; на щеке возле уха тянулась светлая полоска от пальца, испачканного чем-то тёмным. Он принял схему, выслушал работника и посмотрел на Лизу так, словно в её появлении тоже следовало проверить исправность.

— Что случилось?

— Перепутали две величины. До канавы было названо двести двадцать. Сто сорок относится к другому участку. Если вы собираетесь менять начало разбега...

— Мы пока собираемся поправить ограждение.

— Тогда тем более не следует путать расстояния.

Он посмотрел в лист и провёл ногтем по надписи.

— Сто сорок метров здесь вдоль края, от углового колышка до сарая. Двести двадцать — от черты начала движения до канавы. А третья отметка — отступ от публики. Видите?

Лиза увидела третью маленькую пометку, которой не заметила прежде. Стрелка, казавшаяся общей, была двумя наложившимися линиями.

— Надпись неудачная, — признал Мельников. — Мы её исправим. И число он действительно передал неверно. Спасибо, что заметили.

Работник, получивший бумагу назад, спросил, переносить ли знак. Мельников указал другое место и велел дожидаться человека со схемой, затем снова повернулся к Лизе.

— Если захотите рассчитать разбег, одних этих цифр будет мало.

— Я пока ничего не определяла.

— Поэтому и предупреждаю. Вы сказали: если менять его начало.

— Потому что предположила, для чего измеряют поле.

— Предположение разумное. Но у нас есть ещё ветер, зем-

ля и нагрузка. То, что на бумаге осталось двести двадцать, не означает, что машина их использует одинаково сегодня и завтра.

Он объяснял без улыбки, и это раздражало сильнее, чем снисхождение. Лиза привыкла, что точность замечания хотя бы ненадолго делала её полезной. Здесь полезность оказалась узкой: услышала ошибку, предупредила, а дальше должна была снова учиться.

— Арифметику это не отменяет, — сказала она.

— Нет. Просто добавляет к ней поле.

— Очень удобно. Можно всякий неверный расчёт оправдать травой.

Теперь он улыбнулся, совсем немного.

— Попробуйте. Трава принимает оправдания хуже начальства.

Он представился: Георгий Александрович Мельников. Лиза назвала своё имя, сказала, что преподаёт математику. Он кивнул, словно это объясняло и появление вопроса, и то, почему вопрос всё ещё продолжается.

— У вас в классе тоже спрашивают, для чего нужны поправки? — спросил он.

— У меня спрашивают, почему нельзя получить ответ и уйти домой.

— Тогда часть подготовки к воздухоплаванию они уже прошли.

Из-за сарая вернулся первый работник. Мельников пока-

зал ему наложившиеся линии, и они вместе перенесли подпись. Лиза слышала, как инженер напомнил: одну величину называть вместе с её назначением, не только числом. Замечание было направлено своим, а не принесено в жертву гостю. От этого её раздражение стало менее уверенным.

Она спросила, почему задерживается полёт. Георгий посмотрел на ткань у шеста, потом на землю возле колеса.

— Направление меняется, идут порывы. Ждём подходящих условий. И эту сторону зрителям придётся освободить.

— А если не дождётесь?

— Сегодня не полетим.

Он сказал это так просто, что Лиза не сразу соединила ответ с билетами, приехавшей публикой и обещаниями программы.

— Они будут недовольны.

— Будут.

Вера появилась с другого края сарая. Георгия снова позвали, и он отошёл, оставив Лизу возле ограды. Подругаглянула сначала на инженера, потом на неё.

— Уже споришь?

— Исправляла чужую цифру. Заодно мне исправили вывод.

— Для одной воскресной прогулки удачно.

Вера не стала спрашивать подробнее. Они вернулись к прежнему месту; господин с бородой теперь горячо убеждал соседа, что устроители недостаточно дорожат временем зри-

телей. Лиза ждала вместе со всеми, но ожидание изменилось. Она видела, как один человек держит аппарат, другой проверяет крепление, третий снова смотрит на ветер. Задержка больше не была пустым промежутком до зрелища.

К концу ожидания полоска на шесте перестала метаться. Люди у машины ещё некоторое время наблюдали её, затем инженер прошёл вдоль выбранной полосы, вернулся и переговорил с пилотом. Тот был молод, с узким обветренным лицом; Вера узнала его и назвала Лизе: Николай Руднев, гражданский авиатор, приглашённый для сегодняшнего показа. Он сел на переднее место, проверил движения управления, и только после нового знака начались приготовления к запуску.

Когда мотор заработал, мальчик в сером пальто закрыл уши, а Лиза вздрогнула всем телом. Звук был грубее, ближе и сильнее того, какой она мысленно приготовила. Из-за машины потянуло резким запахом, винт перестал быть деревянной вещью и стал опасным дрожанием воздуха. Человек у ограждения поднял руку, отводя публику назад.

Аппарат пошёл по земле. Колёса подскакивали, крылья оставались странно лёгкими над неровным движением. На миг Лизе показалось, что ничего не произойдёт: он просто докатится до конца доступного места, и люди начнут снова толковать о деньгах. Затем под колёсами возник просвет.

Она знала, что аэроплан должен подняться. Приехала ради этого, прочла программу, разглядывала конструкции.

Знание не приготовило её к тому, как спокойно земля продолжила лежать на месте, а машина с человеком перестала к ней принадлежать.

Вера что-то произнесла, но Лиза не слышала. Мотор заглушил слова; аппарат уже шёл дальше, и шум понемногу отдалялся. Открытое сиденье, полотно, тросы — всё, что в манеже требовало объяснений, теперь удерживало движение. Человек управлял им. Не изображал бесстрашие перед публикой, а совершал действия, от которых менялся путь.

Лиза прижала перчатку к холодным губам. В груди стало тесно, хотя она стояла неподвижно и воздуха вокруг было сколько угодно. Машина повернула над дальним краем. Толпа двинулась за ней лицами; кто-то махал, кто-то вытягивал руку с маленьким фотографическим аппаратом. Лиза следила за изменением наклона, почти сердясь, что не понимает, как оно вызвано.

Полёт был недолгим. Аэроплан снизился, колёса коснулись травы, ещё несколько мгновений он бежал по земле. К машине подошли люди. Мотор замолчал, и сразу стали слышны человеческие голоса, хлопки, даже скрип соседнего зонтика.

Лиза не захлопала вовремя. Она всё ещё смотрела на место, где только что был просвет под колёсами.

— Ну? — спросила Вера.

— Столько неба, — ответила она и почувствовала, как глупо звучит фраза. Но другой у неё не было.

Они постояли, пока публика начала расходиться к выходу. Вера хотела расспросить пилота; Лиза пошла с ней, на этот раз осторожно выбирая сухие места. Ей казалось, что надо задать очень много вопросов и непременно сегодня, пока движение ещё сохраняется в глазах.

Мельников находился у машины. Он выслушивал молодого человека, который восторженно предлагал завтра поднять аппарат выше и продержаться дольше. Лиза дождалась конца разговора. Молодой человек ушёл, не получив обещания.

— Вы хотите посмотреть сиденье? — спросил Георгий. — Сейчас можно подойти с этой стороны. Только ничего не трогать.

Лиза подошла. Вблизи снова были доски, металл и следы травы на колесе. Она обогнула конец стойки и увидела переднее место. Оно показалось тесным и обыкновенным, почти как неудобный стул в учительской. Только от него зависело слишком многое, чтобы сесть ради впечатления.

— А если желаете прокатиться, — продолжил он, — об этом сегодня...

— Я не спрашиваю о прогулке.

Он замолчал. Лиза подняла глаза от ручки управления и наконец нашла вопрос, ради которого вернулась.

— Где учат тому, чтобы управлять самой?

Глава 3

Георгий не ответил сразу. Он вынул из кармана сложенную бумагу, отыскал карандаш, но прежде чем что-нибудь написать, спросил:

— Вы хотите узнать адрес или порядок обучения?

— Сначала адрес. Иначе порядок будет совершенно отвлечённым.

Он перевернул бумагу на чистую сторону и написал несколько строк. Лиза видела, как карандаш остановился на последнем слове; инженер поглядел на открытую дверь сарая, словно проверял не букву, а наличие чего-то за ней.

— При гражданском кружке будут открытые лекции. Здесь указан вечер. Начните с них. На поле обучение устроено иначе, это отдельное соглашение.

— Я могу записаться?

— На лекцию — да. Поставьте своё имя в список, когда придёте. Если речь о машине, я сейчас не обещаю вам места.

Вера подошла поближе, но не вмешалась. С поля тянуло запахом масла; двое работников закрепляли аппарат, и разговор приходилось прерывать, когда рядом проносили длинную деталь.

— Потому что мест нет? — спросила Лиза.

— Потому что я ещё не знаю, чему вы научитесь. И места тоже ограничены. Есть люди, которые начали раньше. Есть

расходы. Есть порядок пользования машиной и полем. Весь этот список не сокращается от хорошего вопроса.

— Могли бы сказать, что вопрос плохой. Получилось бы дешевле.

Георгий протянул бумагу.

— Вопрос хороший. Поэтому отвечаю всерьёз.

Он перечислил занятия на земле, изучение устройства, осмотр, погоду, работу управления. Потом нужно было разбираться с действиями машины в движении; к полёту переходили лишь тогда, когда подготовка и условия позволяли. Лиза слушала, мысленно разносила этапы по неделям и несколько раз ловила себя на том, что уже подгоняет неизвестное под свободные четверги.

— Сколько времени требуется?

— Разным людям разное. И погода не обязана являться на ваш свободный день.

— А примерная стоимость?

Он назвал порядок суммы за полный курс, затем объяснил, что требуется ещё обеспечение возможного ущерба машине. Лиза переспросила именно вторую часть. Шестьсот рублей прозвучали почти чужим языком. Это были не деньги, которые находили, отказавшись от нового платья; чтобы собрать их, требовалось перестроить жизнь нескольких людей, и ещё неизвестно было, куда они потом вернутся.

— То есть четыреста за обучение и отдельно обеспечение?

— уточнила она.

— В некоторых школах называют такие условия. У частных коллективов свои соглашения, но бесплатно от этого не становится. У нас надо обсуждать и оплату, и ответственность. До этого никто не будет предоставлять вам аппарат.

Лиза сложила бумагу, чтобы не смотреть на цифры, которых на ней не было, но которые она теперь совершенно ясно видела.

— Лекции — не весь курс?

— Не весь. И запись на них не даёт обещания полёта. Зато позволяет понять, нужна ли вам следующая часть.

Ей захотелось немедленно сказать, что нужна. Слишком многое сегодня переменялось, чтобы позволить ему отступить до скромного посещения лекций. Но инженер был занят: его позвали осмотреть колесо, и он, извинившись, ушёл. Лиза осталась с адресом в руке и не произнесённым утверждением, которое никого ни к чему не обязывало.

Вера дождалась, пока они выйдут с поля.

— Ты спрашиваешь так, словно уже решила.

— Я решила выяснить.

— Разница есть?

— Для моего кошелька огромная.

На дороге снова появились колеи и людские спины. Посетители спорили о высоте, скорости, достоинствах аппарата. Один утверждал, что машина могла лететь дольше, другой говорил, что пилот рассчитал топливо. Ни тот ни другой не знал расчёта. Лиза слышала их и понимала, как охотно сама

сейчас выбрала бы самое приятное объяснение.

Они зашли в лавку, чтобы привести в порядок мокрый ботинок. Хозяин дал бумагу, покосился на Верин блокнот и спросил, много ли народу было на поле. По его мнению, новый показ следовало устроить в хорошую погоду и известить его заранее: тогда можно запастись булками. У аэроплана был двигатель; у полёта обнаруживались ещё десятки земных потребностей.

Дома мать встретила Лизу у двери, заглянула ей в лицо и только потом на подол.

— Состоялся?

— Да.

— И все целы?

Лиза кивнула. Анна Николаевна взяла у неё перчатки, разложила сушиться, словно полученный ответ позволил заняться вещами в правильном порядке.

Мария сидела за столом с рисунком. Лев наконец приобрёл спокойное выражение; рядом сох карандашный набросок витрины. У ног сестры лежала корзина с починенными чулками. Лиза с удивлением заметила собственные.

— Я собиралась...

— Знаю. Ты собиралась всё. Мама дала мне штопку, и я справилась без твоего присутствия.

— Я не это хотела сказать.

— Тогда рассказывай, как оно летает.

Лиза попыталась рассказать. Получилось подробно про

колёса, немного про мотор и совсем мало про то мгновение, ради которого стоило ехать. Мария слушала, рисовала на краю черновика крыло, затем спросила, где сидит человек. Лиза показала, но сестра сделала сиденье закрытым.

— Там так не было.

— Совсем без стенки?

— Совсем.

Мать остановилась возле самовара. На полёте она не присутствовала, а открытое сиденье, нарисованное дочерью, увидела очень ясно.

— Пальто хоть защищает? — спросила она.

— От холода — насколько может.

Лиза вынула из сумочки листок. Анна Николаевна прочла адрес и время, потом подняла глаза.

— Ты ещё пойдёшь?

— На лекцию. Я хочу узнать, как учатся управлять.

Слова, сказанные на поле, дома приобрели другой вес. Здесь рядом стояли чашки, завтра надо было покупать керосин, на стуле лежала материнская кофта с прохудившимся локтем. Никто не угрожал запретить Лизе идти, и потому она не могла спрятаться за спор о чужой воле.

— Ты ведь видела опасность? — спросила мать.

— Мне объяснили, что полёт может вовсе не состояться. Сегодня долго ждали ветер.

— Ветер подождать можно. А если он начнётся, когда ты уже там?

Лиза взглянула на рисунок.

— Не знаю. На это и хочу получить ответ.

Анна Николаевна села. Она была человеком, который привык тревожиться после того, как обеспечил обед и чистое бельё. Сейчас руки остались без занятия, и это сразу сделало её старше.

— Я не знаю, что тебе сказать. Мне страшно. Но не стану говорить, будто ты в двадцать семь лет не умеешь выбирать, куда пойти вечером.

— Я пока не собираюсь взлетать.

— Пока, — повторила мать, без упрёка. — Именно это я и слышу.

Мария опустила карандаш. Лиза рассказала о стоимости. Ей хотелось произнести суммы буднично, как цену дров, но четыреста рублей не стали от этого меньше. Мать спросила, входят ли в них поездки. Потом уточнила, что означает залог и можно ли потерять больше его. Лиза ответила, что не знает точных условий. Отвечать так приходилось уже третий раз за вечер, и ей переставало нравиться, как легко она сегодня распоряжалась неизвестным.

— Тогда сперва узнай их, — сказала Анна Николаевна. — Сумму на бумаге можно обсуждать. Догадку обсуждать трудно.

После чая Лиза убрала посуду и достала свою тетрадь. Она не стала открывать материнскую книгу расходов: общий бюджет не был копилкой, куда разрешалось заглянуть после

прекрасного воскресенья. На чистой странице написала два заголовка: «Время» и «Деньги».

С временем сначала всё выглядело терпимо. Один вечер для лекции, воскресенье для возможного выезда, летом меньше школьных уроков. Затем она добавила подготовку занятий, проверку работ, дорогу, частные уроки, помощь дома. Возле воскресенья появилась пометка о тётиных визитах, потом ещё о покупке угля, которую нельзя бесконечно поручать матери. В таблице начали сталкиваться не обязанности и мечта, а вполне необходимые дела.

Мария подошла с кружкой.

— Твоё желание уже получило расписание?

— Пока получает отказ в помещении.

Сестра посмотрела через плечо.

— Почему здесь записано, что ты в среду забираешь мою работу у заказчика?

— Потому что тебе надо на занятие.

— Я договорюсь сама. Он бывает и в другие часы.

Лиза уже начала объяснять, что проще зайти ей по дороге, и остановилась. Мария стояла не прося помощи, а предлагая убрать со страницы чужое дело.

— Хорошо, — сказала она и вычеркнула строку.

Сестра склонилась над тетрадью.

— Вот. Тебе осталось вычеркнуть ещё половину. Только не ставь вместо неё воздухоплавание сразу, а то оно примется забирать мои рисунки.

Лиза засмеялась и подвинула кружку, чтобы не намочить страницу. Под «Деньгами» появился размер собственных свободных сбережений. Число было вполне приличным для испорченного зимнего пальто, скверным для полного курса и почти смешным рядом с обеспечением машины.

— Ты привыкла рассчитывать всё, кроме собственных желаний, — сказала Мария.

— Желания не всегда имеют стоимость.

— Это имеет. Но пока оно лежит внутри тебя, ты почему-то считаешь его пустым местом.

Сестра ушла к рисунку. Лиза ещё некоторое время держала перо над страницей. Отказаться сразу было бы удобно: цифры позволяли сделать это с чистой совестью. Объявить, что деньги найдутся, было бы ещё удобнее, если не вспоминать, кому придётся их искать.

Она написала под таблицей: «Сперва открытые занятия. Никакого обязательства за машину». Затем добавила вопросы: условия оплаты, порядок допуска, обеспечение ущерба, возможность работать для группы. Последнее она подчеркнула один раз. Преподавать математику Лиза умела; требовалось выяснить, нужно ли это людям, уже занятым небом.

На следующий день в гимназии Полина спросила, правда ли самолёт держится исключительно на скорости. Слово она выговорила с непривычной уверенностью; видно было, что накануне дома присутствовал человек, читавший газеты.

— Я ещё разбираюсь, — ответила Лиза. — Но слово «ис-

ключительно» потребует доказательства.

— Вы же видели, как он летит.

— Видеть решение и уметь объяснить его — разные вещи. Сейчас это относится и ко мне.

Девочки удивились. Лиза неожиданно почувствовала облегчение: можно было учить их и оставаться человеком, которому многое неизвестно. Она предложила после урока разобрать задачу о движении при ветре, уточнив, что это школьное упражнение, а не расчёт настоящего полёта. Полина попросила построить чертёж. Надя первая правильно выделила относительную скорость и скромно посмотрела на соседку, прежде чем поднять руку.

После занятий Лиза получила от Софьи Павловны исправленные оттиски. В них больше не было двух прежних ошибок; внизу коллега приложила маленькую записку с благодарностью. Лиза спрятала её между страницами личной тетради, рядом с пропуском, который теперь годился только на память. Ей нравилась работа, и мысль о небе не делала эти страницы скучнее.

По пути домой она зашла в читальный зал. Прежде бывала там ради школьных занятий и заранее знала, какую книгу просить. Теперь пришлось объяснять служащему, что ей нужно простое описание аэроплана, но не популярная картинка и не подробный расчёт для инженера. Он выслушал, нашёл каталог и предложил самой выбрать из нескольких названий.

Лиза села у окна. На первых страницах воздухоплавательного руководства встречались знакомые слова; дальше они переставали соединяться в понятную вещь. Она могла проследить вычисление, но не уверена была, какую именно деталь обозначает буква на рисунке. Так читать геометрический трактат, не различая линий на чертеже, значило успешно считать неизвестно что.

Она достала маленький листок и начала выписывать вопросы. Почему поверхность впереди вынесена так далеко? Каким движением меняется её положение? Откуда пилот узнаёт, что аппарат начал отклоняться, если не смотрит всё время на крыло? Последний вопрос показался детским. Лиза всё же записала его: ученицы, не задававшие детских вопросов, часто сохраняли детские ошибки до самого экзамена.

За соседним столом пожилой читатель долго листал газету, затем заснул, не выпуская её из рук. Служащий подошёл тихо, разбудил его и предложил переложить газету на стол, чтобы не помять. Лиза вспомнила, как над учебником засыпает мать, если хочет дождаться дочерей, и посмотрела на часы. Время, отведённое неизвестному, уже вышло; дома ждали не только счета, но и её собственное обещание быть к ужину.

На одной иллюстрации ручка управления была показана с двух сторон. Лиза сначала решила, что это два разных устройства, и записала вопрос об их расположении. Потом заметила подписи под рисунками. Пришлось зачеркнуть во-

прос и надписать: «Вид сбоку, вид сверху». Она усмехнулась и перевернула листок: аккуратный почерк делал ошибку убедительной, но ничуть не помогал её исправить. Служащий, проходивший мимо, предложил бумагу побольше. Лиза поблагодарила и отказалась. На первое знакомство вполне хватало уже исписанного листа; ещё один легко превратился бы в обещание прочесть книгу целиком за один вечер.

Она не дописала половину страницы. Вместо того чтобы задержаться ещё на несколько минут, вернула книгу, спросила, можно ли получить её снова, и записала название. Служащий сказал, что сейчас читателей у этого раздела немало. Елизавета оглянулась на занятые столы и почему-то обрадовалась: её увлечение не требовало пустого зала и исключительного права на полку.

На выходе она встретила Софью Павловну. Та несла пособие по естествознанию, смущённо улыbnулась и спросила, не нашли ли ещё ошибок в оттисках. Лиза ответила, что математическую часть просмотрела полностью и новых исправлений там нет. Коллега заметно успокоилась.

— Мне казалось, теперь все будут ждать, когда я ошибусь опять, — призналась она.

— Все заняты своими ошибками. Только не всегда об этом сообщают.

Лиза не стала рассказывать о сегодняшнем чтении. Зато, расставшись с коллегой, достала из кармана листок и перестала перечёркивать самый простой вопрос про крыло. Его

незнание имело ровно такую же цену, как незнание сложно-го: оставишь непроверенным — оно останется с тобой.

Вера пришла вечером, на этот раз без свёртка, но с предложением. Газете нужен был очерк об авиации, не короткая переводная заметка, а местный материал. Можно было описать лекции, подготовку, людей поля. Редакционное поручение позволяло просить доступ, объяснять поездки, возможно, получить часть дорожных расходов.

— И никто не скажет, что ты едешь развлекаться, — закончила она.

Лиза убрала тетради со стола.

— А я разве должна найти оправдание?

— Ты должна найти деньги. Оправдание прилагается бесплатно.

— Я могу помочь тебе с расчётами и объяснениями, когда пойму их сама. Но не хочу являться туда журналисткой и просить место возле машины за очерк.

Вера наклонила голову.

— Почему? Это обыкновенная работа. Я не предлагаю выдать тебя за пилота.

— Потому что я хочу там учиться. Если мне дают посмотреть для заметки, это другое право. Я начну путать их, и им тоже будет удобно путать.

Подруга задумалась. Обычно она быстро находила ответ, особенно если речь шла о редакции. Теперь провела пальцем по краю стакана и сказала:

— Справедливо. Но дорогу за настоящий материал оплатить можно. И это не подкуп.

— Тогда за твой материал. Если я буду его писать, мы отдельно договоримся. Пусть учебные условия будут ясными сами по себе.

Вера рассмеялась.

— Ты даже мечте выдаёшь две разные расписки.

— Это дешевле, чем потом выяснять, кому она принадлежит.

Они поужинали вместе. Вера рассказала матери про задержку на поле, подробно объяснила, что публика не могла заставить пилота продолжить программу. Анна Николаевна внимательно слушала и спросила, кто отвечает за решение. Ответ получился не вполне ясным, потому что участники показов работали вместе, а у Веры оставалось слишком мало имён. Она обещала выяснить. Мать удовлетворилась этим ровно настолько, насколько следовало удовлетворяться обещанием журналистки.

Когда гостя ушла, Мария помогла убрать чай и показала новый рисунок. Теперь открытое сиденье было нарисовано верно, но девушка в нём держала раскрытый зонтик.

— Это я? — спросила Лиза.

— Это предложение увеличить безопасность. В случае дождя можно сразу пожалеть о выбранной профессии.

Мать неожиданно засмеялась, и весь вечер стал легче. Лиза оставила рисунок на столе рядом со списком вопросов. Не

как доказательство собственной будущей славы; просто сестра уже включила её неизвестное дело в домашний разговор.

Ответ от Мельникова пришёл через Веру. Подруга заезжала в кружок уточнять имена для заметки и передала, что преподавательница хотела бы знать, что читать прежде первой лекции. Он написал список на обороте чистого служебного листа. Несколько названий, указание начать с простого описания устройства, предостережение не смешивать управление разных машин. Внизу другим наклоном карандаша стояла короткая приписка: «Это пока безопаснее, чем двигатель».

Лиза прочла её дважды. Потом переложила лист в свою тетрадь, взяла перо и напротив вечера открытой лекции поставила отчётливую отметку. Возле денег по-прежнему не было подходящего решения. Возле времени впервые появилось дело, на которое она записала себя сама.